

Корейские «колхозы» в Маньчжоу-го (1932–1945 годы)

В. А. Гайкин

Виктор Алексеевич Гайкин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89. E-mail: unara49@mail.ru

Аннотация. В статье дается характеристика «коллективным деревням», населенным корейскими переселенцами в Маньчжурии. Эти сельхозпредприятия выполняли роль поставщика продукции для Квантунской армии и Японии. В 1944 году в Северо-Восточном Китае проживало 24 000 семей «коллективных» иммигрантов (10% корейских переселенцев в Маньчжоу-го). Все они зависели от японских колониальных структур, которые снабжали крестьян предметами первой необходимости, сельхозорудиями, забирая большую часть урожая. Деревни японских переселенцев имели военно-стратегическое значение. Они создавались на территориях, граничивших с СССР, в качестве оплота колониальной власти и для контроля над Маньчжурией. Колонисты-корейцы не внушали доверия колонизаторам, но корейские «колхозы» должны были обеспечивать продовольствием японскую экспансию. Пространственная конструкция такой деревни представляла собой закрытый, удобный для наблюдения и контроля прямоугольник, обеспечивавший изоляцию жителей поселка от внешнего мира. Японские чиновники обещали корейским арендаторам передать земли, которые они обрабатывали, в собственность после возврата полученных от японской компании кредитов. Вера в получение собственного участка земли мотивировала корейских крестьян производительно трудиться. В действительности кредиты, получаемые арендаторами, были орудием их закабаления, зачастую они использовались для выплаты долга по прежним займам. «Колхозники» увязали в долговой кабале, возможность получения земли в собственность после выплаты кредитов была призрачной. К концу 1930-х годов обитатели коллективных деревень начали ощущать себя жертвами японской колониальной аферы, и это привело к многочисленным выходам из «колхозов», бегству корейцев.

Ключевые слова: Маньчжоу-го, Корея, коллективные деревни, сельское хозяйство, корейские переселенцы, колониальная политика Японии, антияпонские партизаны

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-33-46

История корейской колонизации Маньчжурии

В 1869–1870 годах череда неурожаев поразила северные провинции Кореи. Целые деревни снимались с места и уходили в приграничную Маньчжурию. Переселенцы распахивали целину, арендовали землю у китайцев, захватывали пустующие земельные участки. В 1890 году иммигранты получили документы, предоставляющие им право собственности на землю, которую они обрабатывали, и обя-

зующие их платить земельный налог как полноправных китайских граждан (Shuhsi Hsu, 1926: 285). Не следует думать, что с этого времени все корейцы в Цзяньдао стали земельными собственниками. Многие из них продолжали работать на китайской земле в качестве арендаторов. «Несчастный кореец — раб китайского земельного собственника, раб хунхуза...» — пишет Н. Г. Гарин-Михайловский (Гарин-Михайловский, 1958: 262).

Согласно китайским данным, в 1896 году в Цзяньдао насчитывалось 4308 семей корейцев, или 20 899 человек, а по всей Маньчжурии — около 40 тыс. человек (Loh Kue Нуун, 1976: 145). Согласно данным переписи 1907 года, в Цзяньдао насчитывалось 72 056 корейцев и 21 983 китайца (Тёсэн тодзи сирё, 1970а: 326). Уже в начале XX века соотношение китайского и корейского населения в Цзяньдао составляло 1:3. По существу, это был корейский национальный район в Северо-Восточном Китае.

По японо-китайскому договору 1909 года четыре уезда провинции Цзилинь — Яньцзи, Хэлун, Ванцин, Хунчунь — были открыты для въезда и поселения корейцев, что стало предпосылкой образования здесь самого значительного корейского этнического массива. В четырех уездах Цзяньдао-Хунчуньского района проживало в 1920 году 143 тыс. человек, из них корейцев — 109 500, китайцев — 33 тысячи. К 1931 году население возросло до 381 554, из них корейцев — 307 806 человек, китайцев — 73 748 человек (Леонидов, 1930: 92). На 1931 год число жителей превысило 500 тыс. человек, из которых корейцы составили 395 847 человек (Мун Ёндо, 1967: 12).

Корейские иммигранты, пройдя через Цзяньдао, селились и во внутренних районах провинции Цзилинь, примыкающих к крупным населенным пунктам: Цзилинь, Чанчунь, Дуньхуа, Паньши, Нингута, где корейцы разрабатывали пустоши под заливные рисовые поля.

Еще один район значительной концентрации корейского населения — это приграничные уезды провинций Цзилинь (в районе Чанбайшаня) и Ляонин: Аньту, Фушунь, Куаньдянь, Линьцзянь, Цзиань, Чанпай, Тунхуа, Синцзин, Хуанжэнь, Аньдун. Из районов, примыкающих к реке Ялуцзян, корейцы распространялись вглубь провинции Ляонин, где концентрировались вокруг мелких и крупных городов, таких как Шэньян, Аньшань, Тэлин.

К началу 1930-х годов корейские поселения распространились до района Инкоу, на севере — до низовьев р. Сунгари, на западе — до Хайлара. В Северной Маньчжурии корейские поселки можно было встретить почти на всем протяжении КВЖД.

В 1927 году из 85 367 тё заливных рисовых полей в Маньчжурии корейцы обрабатывали 74 029 тё¹ (7/8 общей площади) (Ли Канг, 1932: 96). Но так как кроме заливного риса в Маньчжурии культивировался и суходольный, занимавший площадь 119 487 тё (уро-

1. 1 тё (бу) = 0,9918 га

жай — 1 859 460 коку на начало 1930-х годов), то вклад корейцев в производство всего риса Маньчжурии, как заливного, так и суходольного, был более скромный, но тем не менее впечатляющий — 40% валового сбора (Пак, 1932: 114).

Если в начале XX века во владении 29 тыс. дворов корейцев Цзяньдао находилось 20 тыс. тё земли, а 6 тыс. дворов китайцев имели 45 тыс. тё (Тёсэн тодзи сирё, 1971: 922), то уже в 1928 году корейцы владели 55% обрабатываемой земли в этом регионе (Ли Хунгу, 1932: 141). В Цзяньдао в силу климатических условий выращивались главным образом суходольные культуры, основными из которых были просо (чумиза), соя, гаолян. Просо — основной продукт питания корейских крестьян, а также экспортная культура. Соя шла главным образом на экспорт и частично потреблялась на месте. Эти две культуры занимали на 1926 год больше половины всей посевной площади: просо — 58 993 тё, соя — 52 634 тё (Дзюнсукэ Усимару, 1927: 288). Культура заливного риса была распространена меньше.

За пределами Цзяньдао обработку земель, годных для выращивания суходольных культур (сои, проса, гаоляна), вели главным образом китайцы. Корейцы занимали земли, которые китайские крестьяне считали непригодными для возделывания — заболоченные земли, низины, берега рек. После строительства примитивных ирригационных сооружений они успешно выращивали на них заливной рис, культуру в то время редкую для маньчжурских китайцев. Все исследователи отмечают приоритет корейцев в распространении в Маньчжурии заливного риса (Дзюнсукэ Усимару, 1927: 358, 369).

Уровень жизни большинства корейских крестьян оставался крайне низким. Полуфеодальные аграрные отношения сохранялись в почти неизменном виде с середины XIX века. Их становление проходило в условиях неравноправия двух этнических групп, столкнувшихся на территории Восточной Маньчжурии, — китайцев и корейцев, дискриминации и эксплуатации первыми последних. Бесправие корейцев, их зачастую незаконное проникновение в Маньчжурию позволяло китайским переселенцам объявлять своей собственностью не только пустующие земли, но и участки, уже обрабатываемые корейскими иммигрантами. В этом случае корейские крестьяне превращались в арендаторов, гнувших спину на новоявленных хозяев. Таким образом создавались крупные землевладения китайцев. Путешествуя по Маньчжурии и Корею в 1898 году Н. Г. Гарин-Михайловский записал в дневник: «На той стороне (р. Тумыньцзян — В. Г.) китайский берег, обработанные поля. Это работа корейцев, а поля китайские, и берут с них китайцы из десяти снопов в свою пользу шесть» (Гарин-Михайловский, 1958: 177).

В конце XIX — начале XX века по мере проникновения иностранного капитала в Маньчжурию, вовлечения Северо-Востока Китая в мировую торговлю сельскохозяйственными продуктами,

китайские и корейские крестьяне втягивались в выращивание рыночных культур, поставляемых на мировой рынок (соя, рис, пшеница и др.). Начался процесс превращения натуральных и полунатуральных хозяйств в товарные при сохранении полуфеодалных отношений. Товаризация сельского хозяйства Маньчжурии расслаивала корейских крестьян. Из их среды выделялись богатые крестьяне, превращавшиеся в землевладельцев, сдававших землю в аренду. Во второй половине 1920-х годов только 40% корейцев-арендаторов арендовали землю у китайских помещиков, 60% арендовали участки уже у «своих», корейских (Дзюнсукэ Усима-ру, 1927: 309).

Большинство корейских крестьян оставалось безземельными арендаторами. Так, по некоторым данным, в 1910 году арендаторов насчитывалось 36%, полуарендаторов — 35%, крестьян-собственников — 29%. Среди китайцев, соответственно, — 17%, 27% и 56% (Тёсэн тодзи сирё, 1971: 923). Доля крестьян-собственников среди китайцев была почти в два раза выше, чем у корейцев. Надо сказать, что землевладельцы-помещики не выделялись при обследовании в отдельную категорию и, видимо, включались в группу крестьян-собственников. Полуфеодалные отношения сдерживали развитие капиталистических элементов в деревне. Особенностью социальной структуры корейских поселений было преобладание бедняцкой массы арендаторов и мелких крестьян-собственников. Кулаков-корейцев, ведущих капиталистическое хозяйство, было, видимо, настолько мало, что они не выделялись при обследовании в отдельную группу, так же как не выделялись батраки, хотя некоторые авторы упоминают о наличии таковых, определяя их численность в несколько тысяч человек (Ли Канг, 1932: 96).

Если в начале XX века в китайской этнической группе Цзяньдао арендаторов и полуарендаторов было только 22,5%, то 56,5% корейских крестьян либо совсем не имели земли, либо имели мало. Очень велик был процент китайцев-землевладельцев, живших на доходы от сдачи земли в аренду, — почти 45%.

Доля крестьян-собственников в корейской этнической группе увеличилась с 23% в 1910 году до 36% в 1925 году. Причины, обусловившие рост прослойки собственников в этот период, было несколько — особый статус Цзяньдао как района, открытого для иммиграции и проживания корейских переселенцев, уменьшал дискриминацию корейцев по сравнению с другими районами Маньчжурии. Наличие большого количества необрабатываемых земель снижало цену на землю, которая здесь составляла от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ по сравнению со стоимостью земли в Северной Корее (Тёсэн тодзи сирё, 1971: 924). Чрезвычайно низкий прожиточный минимум корейского крестьянина (30 иен в год корейского арендатора в сравнении с 50 иенами в год арендатора-китайца (Мун Ындо, 1967: 16)) позволял откладывать деньги на покупку земли. При этом надо учитывать более высокую урожайность культур в Цзяньдао (почти в два

раза) и большой размер участков по сравнению с Кореей, а значит, и более высокую товарность: средний размер корейского крестьянского хозяйства составлял в Цзяньдао 3,3 тэ (Мун Ындо, 1967: 299), а в корейской провинции Северная Хамген только 2 тэ (Мансю сангё кэнсэу, Б.г.: 259).

Арендная плата в разных районах Маньчжурии была неодинаковой. В Цзяньдао она составляла от 30 до 50% урожая и была одной из самых высоких, сопоставимой лишь с арендными ставками Южной Маньчжурии.

Из 201 корейских хозяйств, обследованных в провинции Цзилинь, 189 арендовали землю. По данным Ли Хунгу, средний размер арендной платы составлял 20%. Однако автор отмечает, что «владелец земли снабжает арендатора всем необходимым (семена, пропитание), что ставит корейского земледельца в положение раба по крайней мере на первый год». Хозяину за долги обычно отдается 50% урожая. В результате треть из обследованных семей не сводила концы с концами. Всего лишь три семьи не имели долгов, все остальные были, как правило, должны ростовщикам, заемным китайским конторам и пр. (Ли Хунгу, 1932: 155-156).

Провинция Ляонин была довольно плотно заселена китайцами. При распашке целины кореец отдавал землевладельцу 20–40% урожая (Тёсэн тодзи сирё, 1970 б: 553). На распаханых землях корейцы-арендаторы, как правило, были исполщиками (половина урожая отдавалась землевладельцу). Большинство корейских арендаторов не сводили концы с концами.

Коллективные (безопасные) деревни (1931–1936 годы)

После агрессии в 1931 году японской армии и захвата Маньчжурии японские колонизаторы начали системную политику в отношении миллиона корейских колонистов с целью использования их для решения своих политических задач.

В рамках борьбы с антияпонским партизанским движением была разработана программа создания (корейских) так называемых «коллективных деревень» (другое название «безопасные деревни»). Коллективные деревни — перевод японского наименования этого типа сельхозпредприятий (сюдан бураку), сошедшего с советским названием «колхозы». Разбросанные корейские хутора сселяли вместе, чтобы предотвратить снабжение крестьянами продовольствием антияпонских повстанцев (через 30 лет американцы повторили эту тактику во Вьетнаме — «стратегические деревни»).

Первые корейские коллективные деревни японские колониальные учреждения в Маньчжурии начали создавать в 1932 году. До 1935 года было создано пять (по другим данным, шесть) таких поселков. Два в провинции Ляонин (Фэнтянь), один в провинции Цзилинь, и три в провинции Хэйлунцзян. В них было вселено 2620

семей — 12 357 человек местных корейских крестьян и беженцев из районов вооруженного сопротивления японской армии отрядов инсургентов (Мансю ногё имин гайсэцу, 1939: 70).

В провинции Цзяньдао с 1933 по 1936 год японцы создали 28 коллективных деревень с населением 16 469 человек (2933 семьи).

На рисунке 1 фотография коллективной деревни. Архитектурная форма коллективных деревень визуально отражала отношения власти колонизаторов над колонизируемыми. Пространственная конструкция такой деревни представляла собой закрытый, удобный для наблюдения и контроля прямоугольник, обеспечивавший изоляцию жителей поселка от внешнего пространства. Ворота, дороги, одинаковые дома, сооружения общего пользования и контрольно-пропускные пункты находились в строго спланированном порядке. Каждая деревня была окружена оборонительным земляным валом с колючей проволокой. Высота и толщина вала зависела от стратегической важности региона и уровня угрозы со стороны анти-японских отрядов. Например, на плане коллективных (безопасных) деревень в провинции Цзяньдао защитная стена имела 2,7 метра высоты и 1 метр ширины. В других провинциях параметры стены — 3 и 2 метра соответственно. На каждом углу оборонительной стены находилась башня для пяти стрелков, обороняющих поселок.

Рис. 1. Вид коллективной деревни (провинция Цзяньдао)

Каждая деревня имела батарею от 4 до 9 пушек. В некоторых случаях вокруг поселка на расстоянии 20 метров от стены устанавливалась колючая проволока высотой от 2 до 5 метров. Коллективные деревни обычно имели четверо ворот, по крайней мере двое из которых были узкие и соединены малыми проходами, ведущими внутрь и вне поселка. В целях контроля над населением

одни ворота предназначались для дневного использования и были закрыты в течение ночи. Дорога от ворот к центру деревни была около шести метров шириной. Если ранние американские города строились вокруг церкви, то в центре каждой коллективной деревни находилась городская площадь с полицейским участком, штабом отряда самообороны, школой, медицинским пунктом и другими общественными учреждениями. Незастроенное пространство в центре предназначалось для физических упражнений или сбора крестьян в чрезвычайной ситуации. Башня наблюдения высотой восемнадцать метров была размещена в центре некоторых «коллективных деревень». Дороги были подведены к деревне со всех четырех сторон и использовались для транспортировки зерна. Дороги разделяли внутреннюю зону поселка на 4 сектора, каждый из которых имел один общий колодец и двадцать пять домохозяйств, или одну четвертую от общего числа домохозяйств в безопасной деревне. В целях экономии земли домохозяйствам было запрещено иметь огород.

Архитектурный образ коллективных деревень напоминает план турьмы с камерами по периметру и наблюдателем-охранником в центре. Этот архитектурный паттерн визуализировал отношения подчинения и контроля, создавал эффект постоянного наблюдения за их жителями, что объясняет крайне редкие случаи организованных протестов или столкновений с японскими отрядами внутри таких поселков. Несмотря на то что японская колониальная администрация не исключала применение силы, пространственный режим-порядок в сочетании с наличием полиции и расквартированными армейскими частями демонстрировал силу колонизаторов, которые опасались колонизированных корейцев.

Часть корейских беженцев из партизанских районов и новых иммигрантов селили в районы, где земли никогда не обрабатывались. Но некоторых поселяли на территории, где уже жили китайские крестьяне. Это ухудшало отношения между китайцами и корейцами, усиливало конфронтацию между этническими сообществами.

Был и более мягкий вариант создания «колхозов» без экспроприации земли, принадлежащей китайским собственникам. Японский автор Онда Сакубэ в статьях в журнале «Мансю хёрон» в 1935 году описал коллективные деревни: «Сначала уездные чиновники договариваются с местными землевладельцами о вселении корейских арендаторов и уменьшении арендной платы до 30% урожая. Размер участка, который арендатор получал в коллективной деревне, определялся числом членов семьи: пять гектаров — на семью до 5 человек; десять гектаров — для семьи от 5 и более человек. Для обеспечения продовольствием каждая семья использовала один гектар для выращивания ячменя, картофеля. На 1 двор давали пятьдесят вон (корейская денежная единица) кредитов для строительства дома и двадцать вон для сельскохозяйственных нужд на 3 года под 8,4% годовых» (Онда Сакубэ, 1935: 22).

Жители коллективных деревень были в основном арендаторы и полуарендаторы; в октябре 1934 года в Цзяньдао они составляли около 67% крестьян в шести «колхозах» в уезде Хверён и 52% в трех коллективных деревнях в уезде Ванцин. По мнению Онда Сакубэ, «в коллективных деревнях реализовывалась программа кредитования, для создания хозяйств крестьян-собственников» (Там же: 27).

Японские чиновники, создававшие корейские коллективные деревни, пропагандировали будущую передачу земли, которую обрабатывали корейские арендаторы, в их собственность, что мотивировало корейских крестьян производительно трудиться. В действительности, кредиты, получаемые арендаторами, были орудием закабаления крестьян. Обещания передать им землю после выплаты ими кредитов были маячившей впереди фантомной «морковкой». Корейцы, вселяемые в коллективные деревни, зачастую не имели никакого имущества, поскольку были переселены из других мест (партизанских территорий), и были вынуждены брать кредиты у японских организаций, курировавших коллективные деревни, чтобы закупать все — от продуктов питания и одежды до сельскохозяйственных орудий. Они с трудом оплачивали проценты по взятым займам, только чтобы взять новые кредиты. По мнению японского автора, «обеднение крестьян после вселения в коллективные деревни стало распространённым явлением» (Мансю хидзоку..., 1938: 125). Однако в отличие от советских колхозов, где часто только «кнут» был мотивацией к труду, японские чиновники придумали виртуальный «пряник» — надежду крестьян стать собственниками земли.

Вариантом советского «кну́та» были назначенные старосты деревень и «Ассоциации взаимопомощи» (Mutual aid association), поддерживавшие повседневную трудовую дисциплину под лозунгом самоуправления и контролировавшие своевременную выплату крестьянами кредитов и процентов по ним. Они были созданы администрацией генерал-губернаторства Корея и японским генконсульством в провинции Фэнтянь (Fengtian) из лояльных корейцев. Администрация генерал-губернаторства Корея была основным источником финансирования «Ассоциаций взаимопомощи». Например, администрация предоставила 24 445 вон из 38 000 вон, израсходованных ассоциацией взаимопомощи на создание и функционирование безопасных деревень.

«Ассоциация взаимопомощи» официально декларировала целью своей работы предотвращение сгона корейцев с их участков земли через стабилизацию работы крестьян и улучшение условий жизни. Она также выполняла полицейские и отчасти политические функции, ее члены были обязаны сообщать обо всех контактах сельских жителей-корейцев с бойцами антияпонских партизанских отрядов. Одной из основных функций «Ассоциации» было погашение сельскохозяйственных кредитов, выданных корейским крестьянам колонизационными компаниями (Hyun Ok Park, 2005: 237). Деклари-

руя на словах необходимость развития самоуправления корейцев внутри поселков, «Ассоциация» забирала урожай у корейцев — членов коллективных деревень, оставляя лишь объем, необходимый для потребления в домохозяйстве, продавала урожай на рынке, осуществляла необходимые платежи по кредитам, после чего возвращала остаток денежных средств или урожая домохозяйствам пропорционально изъятой у них продукции (Там же: 57). Погашение в срок кредита «колхозниками» не требовало внешнего принуждения (вмешательства полиции). Право применять санкции было передано от полиции к «Ассоциации взаимопомощи».

Коллективизм крестьян выражался в совместном труде при подготовке общими усилиями территории для выращивания заливного риса, строительства каналов, либо при подготовке целинных земель к выращиванию культур. Основная часть работы по выращиванию культур осуществлялась крестьянами в индивидуальном порядке на выделенных им участках. Прекращение работы (выход из «колхоза») для корейского крестьянина не предусматривался.

Все домохозяйства должны были сдавать в «Ассоциацию взаимопомощи» для продажи выращенный урожай за вычетом доли, необходимой для внутрисемейного потребления. «Ассоциация» следила, чтобы «колхозники» не прятали зерно. Деньги, вырученные от продажи урожая на рынке, шли на выплату «Ассоциацией» кредитов, взятых домохозяйствами деревни, и на покрытие общих хозяйственных расходов. «Ассоциации взаимопомощи» следили за выплатами крестьянами кредитов согласно графику. Оставшаяся часть распределяли среди крестьян пропорционально стоимости изъятого у них урожая. Члены «Ассоциации», не способные по тем или иным причинам выполнить необходимые платежи по полученным кредитам, были застрахованы от угрозы потери земельного участка, платой за эту гарантию был коллективный надзор за повседневной жизнью и процессом производства и потребления крестьян. «Самоуправление» в «коллективных деревнях» было как бы принуждением коллективной волей, а точнее, «Ассоциацией взаимопомощи», которая выступала передаточным механизмом в системе управления между японскими чиновниками и «колхозниками».

Существовала программа превращения жителей поселков, главным образом арендаторов, в крестьян-собственников. Как сообщают японские авторы, «в 1932–1937 годах было создано 2906 хозяйств-собственников, выданы им ссуды на покупку земли на сумму в 1 677 193 иены (по 577 иен на двор)» (Мансю ногё..., 1939: 48). Авторы не договаривают, что ссуды выдавала японская «Восточно-азиатская колонизационная компания» и все якобы уже собственники попадали к ней в прямую зависимость. Документы на землю хранились у чиновников этой компании, крестьяне были фиктивными собственниками земли.

Институт фиктивной частной собственности и кредитная система в коллективных деревнях позволили колонизаторам присваивать

большую часть урожая корейских крестьян. Японские «кураторы», прикрываясь утопическим идеалом коллективного управления, организовывали повседневную жизнь крестьян таким образом, что жители поселков как бы сами возлагали на себя ответственность за платежи по кредитам, без прямого вмешательства власти.

Коллективные деревни, формируемые из мигрантов из Кореи (1937–1945 годы)

В августе 1936 года администрация Маньчжоу-го и генерал-губернаторство Корея сформировали «Программу руководства маньчжурскими корейцами» (Мансю кайтаку, 1942: 158), нацеленную на переселение корейцев из Кореи в Маньчжурию. В сентябре 1936 года были созданы две структуры: в Сеуле — «Корейско-маньчжурская колонизационная компания», в Синьцзине — «Маньчжуро-корейская колонизационная компания». Функции первой заключались в подготовке к переселению крестьян в Маньчжурию: отбор кандидатов, выдача ссуд на переезд и т. д. В задачу второй компании входила работа с иммигрантами: вселение, контроль, создание хозяйств-собственников в Маньчжурии. Маньчжуро-корейская колонизационная компания скупала у корейских колонистов урожай по ценам намного ниже рыночных (как и в советских колхозах), что часто означало конфискацию урожая.

До создания государства Маньчжоу-го земля корейцев экспроприровалась китайским правительством и помещиками в русле националистической политики, запрещавшей иностранцам владеть землей. В период Маньчжоу-го все изменилось, новые корейские иммигранты часто селились в районы, где жили китайцы (а иногда и корейцы). Свидетели и участники тех событий помнят, как корейские поселенцы, прибывающие на предназначенные им земли и вселявшиеся в пустые дома, обнаруживали, что кухонные плиты были еще теплые, что свидетельствовало о том, что бывшие резиденты были изгнаны совсем недавно и, видимо, очень жестко. Например, в 1938 году в округе Нwипам в Дунбяньдао Маньчжуро-корейская колонизационная компания изгнала китайских крестьян с их земель с незначительной компенсацией и отдала земли 210 корейским семьям, которые эмигрировали из корейской провинции Чолла (Hyun Ok Park, 2005: 155). Если в 1932–1936 годах весь урожай передавался «Ассоциациям взаимопомощи» для последующей продажи его на рынках, то с 1937 года урожай скупался по низкой цене (практически конфисковывался) Корейско-маньчжурской колонизационной компанией.

В 1937 году из Кореи в Маньчжурию по этой программе переселились 2339 семей (12 159 человек), размещенные в 29 коллективных деревнях в уездах Аньту, Ванцин, Яньцзи и в трех поселках уезда Инкоу (Мансю ногё..., 1939: 201). В 1938 году было осуществ-

влено переселение 2799 дворов «коллективных» (14 198 чел.) и 3156 дворов «организованных» колонистов (9958 чел.), всего 5955 семей (Hyun Ok Park, 2005: 184). «Коллективные» переселенцы (сюдан) были приоритетной категорией, имевшей больше льгот, чем категория «организованные» переселенцы (сюраку). В 1939 году количество иммигрантов по этой программе было рекордным. Их общее число составило 51 994 человека, из них «коллективных» колонистов было 4845 семей (20 085 чел.), дисперсных (переселявшихся самостоятельно) — 7231 семья (27 056 чел.) (Hyun Ok Park, 2005: 206). В 1940 году в Маньчжурию въехало 4608 семей (15 479 чел.) «коллективных» и «организованных» колонистов и 1842 семьи (7206 чел.) дисперсных (Мансю кайтаку нэнкан, 1942: 236). Это четырехлетие (1937–1940) было периодом активной и довольно успешной деятельности японских переселенческих организаций в Корее, в сети которых попадали разоренные, не имевшие средств к существованию крестьяне. После этого начался спад переселенческой программы. В 1941 году переселили только 763 семьи «организованных» и «коллективных» колонистов — 3702 человека и 1969 семей дисперсных переселенцев (Там же: 204).

С 1942 года началась реализация 2-го пятилетнего «плана освоения Маньчжурии». Подготовка к войне с СССР предполагала заселение пограничных с Советским Союзом территорий Маньчжурии лояльными Японией колонистами. Японцы в этом плане, естественно, котировались выше корейцев. Программа переселения корейских крестьян постепенно сворачивалась. В этом году было переселено 2027 семей «коллективных» колонистов (9293 чел.) и 6356 семей дисперсных (13 732 чел.) (Мансю кайтаку нэнкан, 1944: 372). В 1943 году в Маньчжурию вселили только 1046 семей «коллективных» переселенцев-корейцев (Ко Сын Че, 1971: 30). В 1942 году на японскую колонизацию было истрачено 114 млн иен, корейцам досталось только 26 млн иен. Примерно такое же соотношение затрат планировалось на 1943 и 1944 годы (Мансю кайтаку нэнкан, 1944: 263).

Заключение

В 1944 году в Маньчжурии проживало 24 000 семей «коллективных» (сюдан) и «организованных» (сюраку) корейских колонистов², что составляло 10% корейцев, занятых в сельском хозяйстве. Они были полностью подконтрольны японским колониальным структурам, снабжавшим крестьян сельхозинвентарем и забиравшим большую часть урожая. Японские деревни имели военно-стратегическое значение. Они создавались на территориях, граничивших с СССР, в качестве оплота колониальной власти и для контроля над Маньчжурией. Колонисты-корейцы не внушали колонизаторам большо-

2. The Manchuria daily news. 19.05.1944, p. 13.

го доверия, корейские «колхозы» должны были обеспечивать процветанием японскую экспансию. К концу 1930-х годов обитатели коллективных деревень начали понимать, что они жертвы японской колониальной аферы, и это приводило к многочисленным выходам из «колхозов», то есть бегству корейцев. Так, население коллективной деревни Чолрён (Ch'olryong) сократилось с 384 домохозяйств в 1937 году до 283 домохозяйств в 1940 году, население деревни Хадон (Hadong) уменьшилось с 683 домохозяйств до 378 домохозяйств (Hyun Ok Park, 2005: 384).

Разгром Советской армией в августе 1945 года Квантунской армии прервал пионерную программу «коллективизации» корейской деревни, поэтому о ее возможных конечных результатах можно только гадать.

Библиография

- Гарин-Михайловский Н. Г. (1958). Собрание сочинений в пяти томах. М.: Гос. изд-во художественной литературы. Т. 5.
- Леонидов И. (1930). Корейцы в Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. № 11–12. С. 72–79.
- Ли Канг (1932). Маньчжурские события и Корея // Материалы по национально-колониальным проблемам. № 3. С. 95–111.
- Пак (1932). Корейцы в Маньчжурии // Материалы по национально-колониальным проблемам. № 3. С. 111–120.
- Дзюнсукэ Усимару, Ёсимаро Мурата (1927). Сайкин Канто дзидзё (Современное положение Цзяньдао). Сеул–Токио.
- Ко Сын Че (1971). Манчу ноноп имин ы сахвесачок пунсок (Социально-исторический анализ сельскохозяйственных иммигрантов в Маньчжурии) // Пэксан хакпо. № 10. С. 28–40.
- Котоку ённэндо такусэй сюмуса утиаи кайги гидзироку (1938) (Материалы совещания по проблемам колонизации 1937 г.). Б.м. — 203 с.
- Ли Хунгу (1932). Манчу ва чосонин (Маньчжурия и корейцы). Пхеньян.
- Мансю кайтаку нэнкан (1942). (Ежегодник колонизации Маньчжурии). Синьцзин: Мансюкоку цусинся. — 403 с.
- Мансю кайтаку нэнкан (1944). (Ежегодник колонизации Маньчжурии). Синьцзин: Мансюкоку цусинся. — 429 с.
- Мансю ногё имин гайсэцу (1939). (Краткий очерк переселенцев в Маньчжурии). Дайрен: Минами маню тэцудо кабусики кайся. — 215 с.
- Мансю сангё кэнсэцу гакуто кэнкюдан хококу (Доклады студенческой группы по изучению экономики Маньчжурии). Б/м., б/г. Т. 3.
- Мансю хидзоку то тиан тайсаку (1938) (Маньчжурские бандиты и политика умиротворения). Б/м. — 230 с.
- Мун Ындо (1967). 1920–1930 нёндэ чо тонмэн чибан чосон инмин ы киегып кусон ква сэнхвал сантэ (Классовая структура и условия жизни корейцев в Восточной Маньчжурии в конце 1920-х — начале 1930-х гг.) // Ёкса квахак. № 1.
- Онда Сакубэ (1935). Томан тихо ни окэру носон но гэндзё: судан бураку кэнсецу но дзёсэй (Земледельческие поселки в Восточной Маньчжурии: строительство коллективных деревень) // Мансю хёрон. Сентябрь. С. 11–38.
- Тёсэн тодзи сирё (1970). (Материалы по истории управления Кореей: в 10 томах). Токио. Т. 1.
- Тёсэн тодзи сирё (1970б). (Материалы по истории управления Кореей: в 10 томах). Токио. Т. 3.

- Тёсэн тодзи сирё (1971). (Материалы по истории управления Кореей: в 10 томах). Токио. Т. 9. *Hyun Ok Park* (2005). *Two dreams in one bed*. Duke university press. Durham and London. — 313 p.
- Loh Kue Hyun* (1976). A review of Chientao agreement // *Korea observer*. Vol. 7. №. 2. P. 141–158.
- Shuhsi Hsu* (1926). *China and her political entity*. N. Y.

В. А. Гайкин
Корейские «колхозы» в Маньчжоу-го (1932–1945 годы)

Korean “collective farms” in Manchukuo (1932-1945)

Viktor A. Gaikin, Senior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences). Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russia. E-mail: unara49@mail.ru

Abstract. The article describes the “collective villages” of Korean immigrants in Manchuria. These agricultural enterprises supplied products to the Kwantung Army and Japan. In 1944, 24,000 families of ‘collective’ immigrants lived in Northeast China (10% of Korean immigrants in Manchukuo). They all depended on the Japanese colonial structures which supplied the peasants with essentials and agricultural equipment, taking most of the harvest. The villages of Japanese settlers were of military-strategic importance. They were created on the territories at the border of the USSR as a stronghold of the colonial power and to control Manchuria. Korean colonists did not inspire much confidence in the colonizers, the Korean “collective farms” were to provide food for the Japanese expansion. Japanese officials simulated a virtual transfer of land as a property to Korean tenants. The belief in obtaining land (leased to Koreans) after paying off all loans to the Japanese company motivated the peasants to work productively. In fact, the loans were an instrument of enslaving the peasants. Promises to give them land after the loans were paid off were a phantom ‘carrot’ looming ahead. Loans of the “collective villages” were often used to pay off previous loans. The “collective farmers” got bogged down in debt bondage. The spatial design of such a village was a closed rectangle convenient for observation and control, which ensured the social isolation of villagers. By the late 1930s, collective villagers began to realize that they were victims of the Japanese colonial scam, which led to numerous exits from the “collective farms” (flight of Koreans).

Keywords: Manchukuo, Korea, collective villages, agriculture, Korean settlers, Japanese colonial policy, anti-Japanese guerrillas

References

- Dzyunsuke Usimaru, Yosimaro Murata (1927) *Sajkin Kanto dzidzyo* [The Current Situation in Jiandao], Seul-Tokio.
- Garin-Mikhajlovsky N. G. (1958) *Sobranie sochinenij v pyati tomah* [Collected Works in 5 vols], Moscow, vol. 5.
- Hyun Ok Park (2005) *Two Dreams in One Bed*, Durham–London: Duke University Press.
- Ko Synche (1971) Manchu nonop imin y sakhvesachok punsok [Social-historical analysis of agricultural emigration to Manchuria]. *Peksan hakpo*, no 10.
- Kotoku yonnendo takusej syumusya utiai kajgi gidziro-ku* (1938) [Materials for the Meeting on Colonization Issues in 1937]. B/m.
- Leonidov I. (1930) Korejtsy v Manchzhurii [Koreans in Manchuria]. *Vestnik Manchzhurii*, no 11–12.
- Li Hungu (1932) *Manchu va chosonin* [Manchuria and Koreans], Pyongyang.

- Li Kang (1932) Manchzhurskie sobytiya i Koreya [Manchurian events and Korea]. *Materialy po natsionalno-kolonialnym problemam*, no 3.
- Loh Kue Hyun (1976) A review of Chientao agreement. *Korea Observer*, vol. 7, no 2.
- Mansyu hidzoku to tian tajsaku* (1938) [Manchurian Bandits and Appeasement Policy]. В/м *Mansyu kajtaku nenkan* (1942) [Yearbook on the Colonization of Manchuria], Sinczzin: Mansyukoku czusinsya.
- Mansyu kajtaku nenkan* (1944) [Yearbook on the Colonization of Manchuria], Sinczzin: Mansyukoku czusinsya
- Mansyu nogyo imin gajseczu* (1939) [A Brief Sketch of the Settlers in Manchuria], Dayren: Minami manyu teczudo kabusiki kajsya.
- Mansyu sangyo kenseczu gakuto kenkyudan xokoku* [Reports of the Student Group on the Study of the Economy of Manchuria]. В/м., б/г., vol. 3.
- Mun Yndo (1967) 1920 — 1930 nyonde cho tonmzn chiban choson inmin y kiegy p kusun kva senkhval sante [Class structure and living conditions of Koreans in Eastern Manchuria in the late 1920s — early 1930s.]. *Yokka kvaxak*, no 1.
- Onda Sakube (1935) Toman tixo ni okeru noson no gendzyo: syudan buraku kenseczu no dzyosej [Agricultural settlements in Eastern Manchuria: Construction of collective villages]. *Mansyu xyoron*. September.
- Pak (1932) Korejtsy v Manchzhurii [Koreans in Manchuria]. *Materialy po natsionalno-kolonialnym problemam*, no 3.
- Shuhsi Hsu (1926) *China and Her Political Entity*, New York.
- Tyosen todzi siryo* (1970a) [Materials on the History of the Korean Administration: in 10 vols.], Tokyo, vol. 1.
- Tyosen todzi siryo* (1970 b) [Materials on the History of the Korean Administration: in 10 vols.], Tokyo, vol. 3.
- Tyosen todzi siryo* (1971) [Materials on the History of the Korean Administration: in 10 vols.], Tokyo, vol. 9.